

С.Е. ЛЕТЧФОРД

СОЮЗНИКИ В ПАРИЖЕ В 1814 ГОДУ (по материалам французской мемуаристики)

31 марта 2004 г. исполнилось 190 лет со дня вступления в Париж войск 6-й антифранцузской коалиции. Это грандиозное событие означало, с одной стороны, полный крах наполеоновской империи, а с другой – достижение Россией, возглавлявшей объединенные силы Европы, наивысшей степени могущества и славы. Оно произвело глубочайшее впечатление на современников, нашло широкое отражение в воспоминаниях участников заграничных походов русской армии. При всех частных различиях их точка зрения, разумеется, является единой и представляет собой русский взгляд на факты истории¹.

Но всякое историческое событие заслуживает рассмотрения с разных точек зрения. И если мы хорошо знаем, как трактовалось падение Парижа русскими, то мнение на этот счет французов нам известно гораздо хуже. А между тем у нас нет недостатка в материалах. Франция была родиной мемуарной литературы нового времени, которая на рубеже XVIII–XIX вв. достигла там полного расцвета. Поэтому нет ничего удивительного в том, что отнюдь не малочисленные записки русских современников буквально тонут в море французских мемуаров на ту же тему. Знакомство хотя бы с частью из них позволяет прийти к некоторым интересным выводам.

Прежде всего бросается в глаза, что все французские мемуаристы очень мало и с явной неохотой говорят о самом факте оккупации своей столицы союзниками. Гораздо больше их интересуют различные подробности гибели императорского режима и возвращения Бурбонов, т. е. изменения формы политического устройства Франции. Это можно было бы понять, если бы реставрация не изображалась преимущественно делом рук самих французов. Отсюда непомерное выпячивание роли Талейрана и даже мелких интриганов типа Витролля, хитроумным комбинациям которых уделяется куда больше внимания, чем пребыванию в Париже иностранных солдат.

Подобный перекокс характерен для авторов, представляющих все партии: роялистов, бона-

партистов, «политиков», иначе говоря, политических флюгеров, сообразующихся с ситуацией. Вот, к примеру, как оцениваются ими последствия задержки Талейрана в Париже вопреки категорическому приказу императора покинуть столицу. Ярый приверженец Наполеона Лавалетт считает это фатальным обстоятельством, решившим судьбу императора. Он клянет глупость и трусость министра полиции герцога Ровиго (Савари), который поспешил бежать из города, не позаботившись прежде нейтрализовать опаснейшего предателя. По его словам, князь Беневентский представлял для Наполеона большую угрозу, чем все вражеские армии, вместе взятые².

Вдова генерала Жюно герцогиня Абрантес полностью разделяет это мнение³. Бывший префект парижской полиции беспринципный Паскье вполне с ними согласен, не забывая лишь подчеркнуть, что это он, Паскье, подсказал Талейрану способ остаться в столице⁴. Роялист Витролля несколько более внимателен к действиям союзных войск, ибо это служит ему к прославлению собственных подвигов (он утверждает, что без его настояний союзное командование никогда не решилось бы наступать прямо на Париж), но, в конечном счете, тоже признает князя Беневентского главным ниспровергателем Наполеона⁵. Наконец, сам Талейран благосклонно позволяет всем считать себя таковым⁶.

Налицо определенная тенденция, несомненно, порожденная чувством ущемленной национальной гордости. Любому французу, вне зависимости от его партийных пристрастий, крайне неприятно сознавать, что в 1814 г. Франция потерпела сокрушительное поражение, а ее столица впервые в своей истории была занята непри-

² *Lavallette*. Memoires et souvenirs. Т. 1–2. 1831. Т. 2. Р. 85.

³ *Абрантес*. Записки или исторические воспоминания о Наполеоне, революции, директории, консульстве, империи и восстановлении Бурбонов. Т. 1–16. М., 1835–1839. Т. 16. С. 112–115.

⁴ *Pasquier E.D.* Memoires. Т. 1–6. 1893–1895. Т. 2. Р. 231–232.

⁵ *Vitrolles*. Memoires et relations politiques. Т. 1–3. 1884. Т. 1. Р. 113–126, 235–252, 310–314.

⁶ *Талейран Ш.М.* Мемуары. М., 1959. С. 278–300.

¹ См.: *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980; его же. Русская мемуаристика. XVIII – первая половина XIX в. М., 1991.

ятелем⁷. Сверх того, каждый автор мемуаров имеет уже свои особые причины извращать действительность, что связано с его политической ориентацией. Для бонапартистов признать факт военного разгрома означает развенчать их героя, тогда как версия коварной измены, жертвой которой он стал, придает фигуре императора дополнительный трагический ореол. Роялисты же более всего озабочены опровержением общераспространенного (и справедливого) мнения, что Бурбоны прибыли во Францию в обозе интервентов. Им важно доказать, что «белые кокарды» сами, хотя и не без поддержки заграницы, свалили, наконец, ненавистного узурпатора. Поэтому и те, и другие изо всех сил пытаются затушевать ту простую истину, что никакие ходы Талейрана и его компаньонов не имели бы ни малейшего значения, если бы платовские казаки не поили в это время лошадей в Сене, а прусские гусары не раскладывали костры на Елисейских Полях.

Однако совершенно замолчать бесславную капитуляцию Парижа невозможно, и тогда в ход идет другой прием. Человеком, погубившем Наполеона, выступает уже не князь Беневентский, а герцог Рагузский (маршал Мармон). Дело представляется таким образом, будто падение Парижа 31 марта еще ничего не решало. «Император был готов продолжать борьбу, обожавшие его армия и народ тоже», — заявляют бонапартисты⁸.

«Этот ужасный человек еще мог натворить много бед», — вторят им роялисты⁹. При этом мемуаристам кажется, что в их распоряжении имеется неотразимый аргумент: пример России 1812 года. Ведь тогда французы взяли Москву, а менее чем через два года русские стояли у ворот Парижа! Почему же нечто подобное не могло случиться снова, но уже с переменой ролей? Конечно, все соглашаются, что положение Франции в 1814 г. было гораздо хуже положения России в 1812 г.: полное истощение всех ресурсов, раскол в обществе, необходимость отражать натиск врага, наседавшего со всех сторон. Но зато у Франции имелся Наполеон!

Здесь мы сталкиваемся с до предела гипертрофированным представлением о роли лично-

сти в истории. И бонапартисты, и роялисты (первые, чтобы в очередной раз восславить своего героя, а вторые – самих себя, одолевших такого гиганта) всерьез уверяют, что для Наполеона не было ничего невозможного, что одного его появления в Париже было бы достаточно, чтобы события приняли совершенно другой оборот. Описывая сражение под стенами столицы 30 марта, когда маршалам Мармону и Мортье с 25–28 тыс. солдат, из которых большую часть составляли наспех собранные национальные гвардейцы, пришлось противостоять стотысячной союзной армии, Лавалетт сурово осуждает их за поспешную капитуляцию¹⁰. По его словам, если бы маршалы продержались еще 12 часов, город был бы спасен, ибо император спешил на помощь и находился уже неподалеку. Автор не хочет брать в расчет, что маршалы целый день храбро дрались против во много раз превосходящих сил, что к вечеру их потрепанные корпуса были прижаты к парижским заставам, что на следующий день союзники, без сомнения, возобновили бы атаку уже на улицах города, да к тому же обладая господствующими высотами Монмартра, которые упорно штурмовались русскими войсками и к моменту капитуляции были почти захвачены. Не смущает его и то обстоятельство, что Наполеон подъезжал к Парижу фактически один, в нетерпении опередив свою армию на два перехода, так что ее сосредоточение к полю боя не могло произойти ранее 1 или даже 2 апреля. Какое все это имеет значение, ведь говорил же Наполеон: «50000 человек и Я – это армия в 150000 человек».

Если 30 марта Мармон только струсил, то 5 апреля он уже прямо изменил, сняв с позиций свой 6-й корпус и открыв неприятелю дорогу на Фонтенбло, где располагалась ставка императора. Именно этот день французские мемуаристы считают решающим. Тем самым, по сути, отрицается окончательное военное поражение страны. Определяющим фактором признается поведение отдельного корпусного командира.

Несчастный Мармон, хотя и не слишком выдающийся военачальник, но человек по-своему честный и патриот, став мишенью яростных нападок поклонников Наполеона и столь же незаслуженных похвал приверженцев «законной династии», попытался объяснить в своих воспоминаниях¹¹. Там он резонно напоминает, что

⁷ Напомним, что англичане в 1420 г. и испанцы в 1590 г. занимали Париж по соглашению с самими французами в качестве союзников, в первом случае бургундцев, во втором – членов Лиги.

⁸ *Lavallette*. Op. cit. Т. 2. Р. 93–95.

⁹ *Vitrolles*. Op. cit. Т. 1. Р. 334–337.

¹⁰ *Lavallette*. Op. cit. Т. 2. Р. 89–93.

¹¹ *Duc de Raguse*. *Memoires de 1792 a 1832*. Т. 1–9. 1857.

5 апреля речь шла уже не о сохранении престола за Наполеоном (2 апреля собранный усилиями Талейрана сенат объявил его низложенным, и 4 апреля под давлением маршалов он вынужден был подписать акт отречения), а о признании прав его сына. Решение вопроса о престолонаследии отдавалось на усмотрение Александра I, к которому из Фонтенбло отправились представители поверженного монарха. Мармон должен был присоединиться к ним по дороге. Коль скоро начались политические переговоры, он счел возможным вступить в контакт с союзным главнокомандующим князем Шварценбергом, чтобы предотвратить ненужные стычки на аванпостах. Кроме того, имелся сенат, законный орган власти, который, взяв под влиянием Талейрана курс на реставрацию Бурбонов, засыпал маршала своими приказами. Было отчего потерять голову. В дополнение ко всему, Мармон отрицает свою ответственность за решение увести войска в Версаль, сваливая вину на своего заместителя генерала Суама, действовавшего будто бы по собственной инициативе¹².

Из всех оправданий герцога Рагузского наиболее важна четкая констатация того, что после падения Парижа и речи не могло быть о сохранении империи. Даже в случае передачи престола малолетнему «римскому королю» от нее оставалась лишь фикция, так как регентство императрицы Марии-Луизы неизбежно означало установление над Францией австрийского протектората. Это, кстати, совсем не устраивало патриотически настроенных военных в рядах французской армии, предпочитавших господству Меттерниха пусть непопулярную, но все же свою «национальную» династию. Такие чувства и вызвали волну «присоединений» (*adhesions*), т.е. перехода на сторону Людовика XVIII офицеров и генералов Наполеона, начало которой положило командование 6-го корпуса.

Таким образом, попытки французских современников извратить подлинное значение капитуляции 30 марта несостоятельны. Волей-неволей им приходится обращаться к этому неприятному сюжету. В утешение они много пишут о том, что битва за Париж мало что прибавила к славе союзных армий, поскольку лишь после ожесточенной борьбы и ценой огромных потерь им удалось сломить сопротивление слабого французского гарнизона. Особенно большие жертвы понесли русские войска: только на пла-

то Раменвиль и холме Шомон полегли убитыми от 4000 до 5000 русских солдат. Паскье рассказывает, что его ужаснул вид дороги в Бонди, буквально заваленной трупами¹³. Вместе с тем, из всех рассказов следует, что пруссаки не особенно усердствовали в бою, не говоря уже об австрийцах, которые вообще на протяжении всей кампании 1814 г. больше изображали войну, чем реально ее вели.

В данном случае французские мемуаристы правы. Атака на Париж была подготовлена из рук вон плохо. Союзное командование предпочитало действовать числом, а не умением, бросая в самое пекло в первую очередь русские полки. Как следствие – чудовищные, почти равные общей численности противника потери¹⁴. Правда, у Александра I и Шварценберга все же было одно оправдание: они старались во что бы то ни стало взять город до прибытия Наполеона.

Из-за дефицита времени союзникам пришлось атаковать занявшего выгодные позиции неприятеля¹⁵ без разведки местности, ее инженерного оборудования, фактически с марша. Это, несомненно, отразилось на итогах сражения. Однако потери увеличило и поведение отдельных командиров. Паскье приводит показательный пример. По его утверждению, генерал Ланжерон уже после капитуляции маршалов, и зная о ней, продолжал штурм Монмартра, погубив еще сотни людей¹⁶. В несколько романтическом духе мемуарист объясняет такой поступок застарелой ненавистью эмигранта к своей бывшей родине. Но, думается, дело обстояло гораздо прозаичней. Ланжерон всего лишь жаждал отличиться, привлечь внимание коронованных особ, сулившее почести и награды. Молодецкий удар по Монмартру был верным способом добиться этого, а не вовремя подоспевшая капитуляция спутала все карты. Поэтому ее можно было «не заметить». Так же рассуждали и многие другие генералы, ради очередной звезды или креста не щадившие солдатских жизней.

¹³ *Pasquier E.D. Op. cit. Т. 2. P. 226.*

¹⁴ Даже если считать на одного убитого солдата союзной армии только трех раненых, то и тогда общие потери союзников составили свыше 20000 чел.

¹⁵ Сражение 30 марта развернулось на местности, где французские войска прежде проводили частые маневры. Естественно, они прекрасно знали все ее сильные и слабые стороны и умело этим пользовались (*Duc de Raguse. Op. cit. Т. 6. P. 242.*)

¹² *Duc de Raguse. Op. cit. Т. 6. P. 261–265.*

Как бы то ни было, французские войска покинули Париж, и на следующий день в него вступили войска коалиции. Население встретило их весьма сдержанно. Все очевидцы говорят, что в городе царили страх и уныние, причудливо смешанные с любопытством. Устроенный союзниками парад на Елисейских Полях привлек огромную толпу зрителей, но манифестация «белых кокард» не получила никакой поддержки. Роялистов сначала собралось не более 40 человек, и хотя их количество потом возросло, они составляли лишь жалкую кучку¹⁷. Их наглые выходки (глумление над орденом Почетного Легиона, попытка снести Вандомскую колонну) вызвали возмущение народа. Серьезное брожение наблюдалось в Сент-Антуанском предместье, куда пришлось направить крупные силы национальной гвардии¹⁸. По единодушному мнению наблюдателей, роялистам пришлось бы плохо, если бы население не боялось вмешательства оккупантов. Белые повязки на рукавах их мундиров были восприняты парижанами как знак явной симпатии к сторонникам Бурбонов (чьим цветом, как известно, был белый). Очевидно, эти подозрения имели под собой почву, несмотря на уверения союзников, что они использовали белые повязки только для того, чтобы отличать своих одетых в самую разнообразную форму солдат от французов¹⁹.

Долгие годы наполеоновской пропаганды не прошли даром. Большинство парижских обывателей было уверено, что, едва заняв город, союзники бросятся грабить и убивать мирных жителей, жечь дома и т. п. Особый ужас внушала русская армия, которую представляли кровожадной ордой, сплошь состоящей из страшных *cosaques*. В этой связи любопытный эпизод содержится в мемуарах герцогини Абрантес. Описывая визит к ней «гетмана» (?) Платова²⁰, она рассказывает, что прославленный донской атаман долго играл с ее маленьким сыном и, уже собравшись уходить, поведал ей забавную историю, случившуюся с ним в одном из городков Шампани. Он стоял на квартире у одной женщины, у которой был ребенок: девочка лет полтора. И вот однажды, когда Платов, любивший детей и охотно возившийся с ними, взял ее на

руки, ее мать неистово заголосила и, обливаясь слезами, бросилась к его ногам. Удивленный Платов долго не мог понять причину ее отчаяния, пока, наконец, не уяснил, что женщина умоляла его «не съедать ее дочери!». «Кто же из нас двоих больший дикарь, я или эта женщина?» – со смехом спрашивал он²¹.

Понятно, что с такими представлениями парижане готовились к самому худшему. Тем большим сюрпризом стала для них доброжелательность русских солдат, а также их образцовая дисциплина. Авторам французских мемуаров очень неловко писать об этом, потому что, во-первых, приходится признать поразительное невежество «самой просвещенной нации мира» по отношению к России и русским, а во-вторых, сами собой напрашиваются крайне невыгодные сравнения с поведением французов в Москве. Однако все попытки отыскать хоть какие-нибудь случаи бесчинств оказываются тщетными. Лучшее других осведомленный о повседневной жизни в городе Паскье (он продолжал исполнять обязанности префекта парижской полиции) сумел бросить лишь один упрек союзникам. Он жалуется, что казаки отнимали добро у жителей пригородных деревень, привозили добычу в Париж и продавали ее на Новом мосту, где они устроили «род базара». Ограбленные крестьяне прибегали вслед за ними и пытались вернуть свое имущество, вследствие чего возникали частые скандалы и даже потасовки²². Но и Паскье признает, что, стоило ему сообщить об этих безобразиях военному коменданту Парижа русскому генералу Остен-Сакену, как случаи мародерства были решительно пресечены и более уже не повторялись²³.

А между тем снабжение войск было далеко не лучшим. Порой они терпели нужду в самом необходимом. Французские мемуаристы ехидно замечают, что, организовав блестящий парад 31 марта, союзное командование не позаботилось накормить своих солдат. В русских полках, например, хлебный паек был выдан только в 7 часов вечера²⁴. Иначе говоря, славнейший день в своей истории русская армия провела на голодный желудок. Еще хуже обстояло дело с фуражом. Самовольно реквизировать транспорт у населения запрещалось, а французская админис-

¹⁶ *Pasquier E.D.* Op. cit. Т. 2. Р. 228.

¹⁷ *Абрантес*. Указ. соч. Т. 16. С. 134.

¹⁸ *Pasquier E.D.* Op. cit. Т. 2. Р. 263.

¹⁹ *Ibid.* Р. 249–250, 255.

²⁰ *Абрантес*. Указ. соч. Т. 16. С. 159.

²¹ Там же. С. 159–160.

²² *Pasquier E. D.* Op. cit. Т. 2. Р. 265, 274.

²³ *Ibid.*

²⁴ *Ibid.* Р. 264.

трация испытывала большие трудности с подвозом. Кавалеристы, и в особенности казаки, были в отчаянии. По наблюдениям Паскье, казак легко может обойтись без пищи в течение трех дней, но если его лошадь остается некормленной даже три часа, начинает волноваться и способен на все²⁵. Возможно, именно это обстоятельство вызвало грабежи в окрестностях Парижа.

Разумеется, дисциплина союзников поддерживалась строгими мерами командования. Огромная роль здесь принадлежала лично Александру I. Вообще деятельность русского императора в Париже заслуживает отдельного разговора. Уже в Бонди при встрече с депутацией, которую возглавляли Паскье и префект департамента Сены Шаброль, он показал себя полным самодержцем. Александр единолично решал все вопросы, например, о сохранении под ружьем парижской национальной гвардии и жандармерии. Никаких следов участия в переговорах прусского короля Фридриха-Вильгельма III в источниках не зафиксировано, хотя он находился тут же, так как вступил в город вместе с Александром²⁶.

Похожая картина наблюдалась и в Париже. Если Фридрих-Вильгельм совершенно ступсывался, редко появлялся на публике, говорил мало и с наугой, то Александр постоянно стремился быть в центре внимания. Он давал бесчисленные аудиенции, произносил множество речей, вникал в каждую мелочь. В поисках популярности царь гулял по городу без охраны (!), чем вгонял в холодный пот Паскье, опасавшегося покушения бонапартистов или якобинцев со всеми вытекающими последствиями. Мольбы префекта полиции позаботиться о своей безопасности он игнорировал, а когда замечал тайно сопровождавших его полицейских агентов, сердился и гнал их прочь²⁷.

Хотя подобные рассказы кажутся преувеличением, несомненно, что активность Александра I благотворно сказывалась на обстановке в городе. Так, узнав, что стоявшая бивуаком на Елисейских Полях русская кавалерия уничтожает расположенные там зеленые насаждения, он лично отправился на место, ознакомился с причиненным ущербом и распорядился немедленно все исправить²⁸. В другой раз, при посещении Музея царь

был глубоко оскорблен, обнаружив лишь пустые пьедесталы из-под статуй. Генеральный директор Музея Денон, хорошо знакомый с обычной практикой наполеоновской армии налагать руку на драгоценные произведения искусства, не сомневался, что союзники поступят точно так же, и решил спасти для Франции ее сокровища, заблаговременно их припрятав. Александр разгневался не на шутку. «Разве я не обещал в Бонди, что все останется в целости и сохранности?» – грозно спросил он сопровождавшего его Паскье. – «Значит, моему слову не верят?!». Его удалось успокоить, лишь заверив, что экспонаты перекочевали в тайники задолго до встречи в Бонди. Шедевры искусства были возвращены на свои места, и никому даже в голову не пришло их тронуть²⁹.

Собственная честь, престиж коалиции, чистота легитимистских принципов, конечно же, имели первостепенное значение для русского императора. Но существовала еще одна причина, определявшая его поступки в незабываемые весенние дни 1814 г. Это паническая боязнь Революции, чьей колыбелью и символом был Париж. Довольно было и того, что молодые русские офицеры дышали воздухом Пале-Рояля, прогуливались по террасам Тюильри, во все глаза смотрели на площадь Согласия, где в свое время взшел на гильотину Людовик XVI. Не хватало еще, чтобы парижане вспомнили о традициях 1793 года. Уже при свидании в Бонди Паскье и Шаброль заметили эту слабость царя и успешно на ней играли, выговаривая наилучшие условия капитуляции. Пугая Александра I призраком восстания, а еще пуще, революционной агитацией в войсках, они заручились его обещанием избавить население Парижа от тягот военного постоя. Прокламация князя Шварценберга еще раньше гарантировала эту льготу, так как союзники с самого начала предполагали размещать солдат исключительно в казармах, чтобы не допустить их общения с жителями. Но после сдачи города выяснилось, что казармы не могут вместить столь огромной массы людей, и снова возник вопрос о размещении солдат по частным квартирам. Тут-то и пригодились аргументы Паскье и Шаброля³⁰.

В результате союзная армия расположилась бивуаками на улицах, площадях и в парках. Теплое время года позволяло это сделать сравнительно безболезненно, и парижские буржуа мог-

²⁵ *Pasquier E. D. Op. cit. T. 2. P. 264.*

²⁶ *Ibid. P. 246–247.*

²⁷ *Pasquier E.D. Op. cit. T. 2. P. 279.*

²⁸ *Ibid.*

²⁹ *Ibid. P. 280.*

³⁰ *Pasquier E.D. Op. cit. T. 2. P. 248.*

ли себя поздравить с тем, что им не придется терпеть в своих домах непрошенных гостей.

Другой важной уступкой, вырванной у Александра I, было сохранение в неприкосновенности национальной гвардии. Французские мемуаристы изображают дело так, будто она просто отказалась сдать оружие, и оккупантам пришлось смириться с этим бунтом. Герцогиня Абрантес приписывает некоему Туртону, начальнику штаба маршала Монсея, героическую фразу: «Если нас попробуют разоружить, мы превратим Париж во вторую Москву или Сарагосу и погребем себя под развалинами города!»³¹. Эта красивая легенда очень далека от действительности. Союзное командование вовсе не собиралось ликвидировать национальную гвардию. Наоборот, оно хотело поручить ей полицейские функции, выполнять которые иностранным армиям было политически неудобно. В крайнем случае, речь шла о чистке ее рядов от бонапартистов и лиц, слишком скомпрометированных революционным прошлым. Эмиссары Талейрана убедили Александра I отказаться на время от этой затеи и пойти иным путем. Численность национальной гвардии была значительно увеличена за счет надежных людей: в основном умеренных роялистов. Она получила дополнительно со складов 12000 ружей³². Кроме того, временному правительству разрешалось использовать жандармерию Наполеона, при условии, что она присягнет на верность новым властям. Таким образом, правительство Талейрана сразу обзавелось вооруженной силой, крайне необходимой ему в условиях хаоса, царившего во Франции.

До чего доходил у Александра I страх перед якобинцами, хорошо показывает история с освобождением политических заключенных. С первого же дня оккупации перед воротами парижских тюрем стали собираться группы роялистов, требовавшие немедленного освобождения их собратьев, брошенных туда по приказу «узурпатора». Кое-где «белые кокарды», не дожидаясь распоряжения сверху, вломилась в тюрьмы и выпустили на свободу всех узников без разбора. Узнав об этом, царь, через посредство Нессельроде, устроил нагоняй Паскье и категорически потребовал, чтобы впредь освобождение политических заключенных производилось только по указанию французского правительства, согласованному с союзным коман-

дованием³³. На фоне почти полной самостоятельности французской администрации в решении других внутренних вопросов это вмешательство выглядело странно, но так было только на первый взгляд. Русского императора очень тревожило, как бы в атмосфере эйфории из тюрем вместе с роялистами не вышли «анархисты», «террористы» и прочие опасные элементы. Учитывая, что многие заговоры против Наполеона носили характер причудливого роялистско-якобинского симбиоза³⁴ и их участники часто сидели в одних и тех же камерах, такая возможность представлялась весьма реальной. Тщательная фильтрация заключенных заняла немало времени, на протяжении которого большое число сторонников Бурбонов продолжало томиться за решеткой. Так продолжалось едва ли не до прибытия в Париж Людовика XVIII.

И все же пребывание русской армии в Париже имело далеко идущие последствия. Если солдаты были надежно изолированы в казармах и на бивуаках, то офицеры не подлежали подобным ограничениям. Молодые дворяне, говорившие по-французски лучше, чем на своем родном языке, пропитанные идеями французской просветительской философии XVIII века, оказавшись в городе, которым они бредили с детства, испытывали вполне понятное волнение и жгучее любопытство ко всему, что их окружало. Вряд ли их интересовали только знаменитые зланные места, как это утверждают некоторые бонапартистские писатели, уверяющие, что, поскольку офицеры союзников не вылезали из ресторанов и домов терпимости, Наполеон мог взять коалиционную армию в Париже чуть ли не голыми руками³⁵. Музеи, театры, библиотеки, а значит, политика, философия, литература и, главное, история, смотревшая в столице Франции буквально с каждого дома, история, полная грозных образов недавнего революционного прошлого, привлекали, по крайней мере, не меньшее внимание. В умах многих русских людей совершалась работа, результаты которой окончательно выяснились 14 декабря 1825 г.

³¹ Абрантес. Указ. соч. Т. 16. С. 126.

³² Абрантес. Указ. соч. Т. 16. С. 129–130.

³³ Pasquier E.D. Op. cit. Т. 2. Р. 276.

³⁴ Например, заговор генерала Мале в 1812 году.

³⁵ Lavallette. Op. cit. Т. 2. Р. 93–95.